

РОЛЬ ЛЕКСИКИ ОГРАНИЧЕННОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ФРАГМЕНТА ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

(на материале драмы А.С. Пушкина «Борис Годунов»)

В.С. Сидорец, Е.В. Шпак
(Мозырь, Беларусь)

С позиции фрагмента исторического дискурса (периода «смутного времени» в жизни Российского государства) исследуется лексика ограниченного употребления в драме А.С. Пушкина «Борис Годунов».

Известный литературовед Д. Благой, исследователь драмы А.С. Пушкина «Борис Годунов», особо подчёркивал, что «в своей исторической трагедии Пушкин не только глубоко постигнул эпоху “многих мятежей”, он дал и её гениальное, художественное воссоздание. Историк может понять прошлое, может более или менее ярко описать события, происходившие в глуби времён. Но воскресить минувший век, сделать то, что невозвратно прошло, как бы снова существующим, оживить историю можно только средствами поэзии, искусства» [1, 158].

Приведенный фрагмент из послесловия Д. Благого к драме «Борис Годунов» как нельзя более точно характеризует сущность того, что в современной терминологии может именоваться *дискурсивным* отражением определённого исторического отрезка времени в жизни конкретного, в данном случае российского социума, но с принципиальным уточнением – особым отражением трагических, переломных событий, пропущенных через гениальный дар А.С. Пушкина, выдающегося мастера русского поэтического слова.

То, что поэт сердцем и разумом постиг, а это вершина исторического дискурса, который существует под названием «смутного времени» в жизни Российского государства, он воплотил в трагедии «Борис Годунов», представляющей уникальную систему разнообразнейших по объёму, структуре и семантике речевых средств, их взаимосвязей и взаимоотношений.

Перед нами, интерпретаторами этих взаимосвязанных и взаимообусловленных текстовых компонентов драмы, постепенно раскрывается с учётом наших интеллектуальных возможностей понимание заложенного в них дискурса. Не случайно ряд учёных «дискурсом называют текст в его становлении перед мысленным взором интерпретатора» [2, 134]. В результате «по ходу такой интерпретации воссоздается – “реконструируется” – мысленный мир, в котором, по презумпции интерпретатора, автор конструировал дискурс и в котором описываются реальное и желаемое (пусть и не всегда достижимое), нереальное и т. п. положение дел» [2, 135].

Важную роль в этом процессе играет лексика ограниченного употребления, используемая в разных сферах изображаемой А.С. Пушкиным жизни российского общества того периода: сословной, общественно-политической (боярин, дворянин, бразды, владыка, царедворец, холоп, пан, панна, местничество, чернь, Юрьев день и др.); военно-административной (**витязь, воевода, бунчук, дозор, застава, ратный стан, вече, дворецкий, Дума, престол, приказ холопий, приказный, Собор, стольный, хоругви, шинкарка и др.**); церковной (аминь, анафема, патриарх, житие, митрополит, заутреня, еретик, пономарь, постник, приход, риза, святитель, причетный, святое пострижение, схи́ма, храмина, часовня, келья, клобук, черноризец и др.).

Представлены названия денежных единиц, предметов быта, помещений: полушка, бармы, власяница, мошонка, опочивальня, светлица. Широко употребляется устаревшая глагольная лексика: алкать, вешать, возвеличить, возмущать, восторжествовать, вспомоществовать, мнить, ни-спослать, почить, презреть и т. д.

Использование историзмов в драме обусловлено тем, что поэту необходимо было создать исторический колорит той эпохи, описать бытовые реалии того времени. При этом историзмами они воспринимаются современным человеком, а для Пушкина эти слова преимущественно не являлись устаревшими: *Конечно, царь: сильна твоя держава, Ты милостью, раденьем и щедротой Усыновил сердца своих рабов. Но знаешь сам; бессмысленная чернь Изменчива, мятежна, суеверна; Как весело провел свою ты младость! Ты воевал под башнями Казани, Ты рать Литвы при Шуйском отражал; Кромешники (опричники) в тафьях и власяницах Поступными являлись чернецами, А грозный царь игуменом смиренным.*

Близкую к историзмам роль выполняют и **архаизмы**, устаревшие слова и словосочетания, которые обозначают факты, существующие и в современной жизни, но имеют другие названия. Текстовые фрагменты приобретают ореол возвышенности: *На всё глядел очами Годунова; Ни на челе высоком, ни во взорах...; Спокойно зрит на правых и виновных; И сладко речь из уст его лилася; Когда же он представился, палаты Исполнились святым благоуханьем, И лик его как солнце просиял.*

Для большей выразительности высказывания автор также прибегает к использованию архаизма *зри*: *Марина! Зри во мне Любовника, избранного тобою.* Архаизмы встречаются в виде служебных частей речи, которые вносят оттенок важности и старомодного достоинства: *Обнажена моя душа пред вами...*

Особое место в реализации различных дискурсивных фактов, которые относятся к «смутному» периоду, занимают фонетические, словообразовательные, лексические старославянизмы. Они, как известно, заимствованы из древнейшего литературно-письменного языка славян – старославянского, в основе которого лежат македонские говоры древнеболгарского языка. В результате расширения границ его употребления он, сохраняясь неизменным в своей южнославянской основе, подвергнулся определённому влиянию русского языка XV–XVI вв. и стал называться церковнославянским. Этот старославянский язык в его церковнославянской разновидности был государственным языком Русского государства довольно продолжительное время [3, 53].

В языке русской художественной литературы и публицистики Пушкинского периода закрепляются

старославянизмы, выполняющие определенные стилистические функции, главным образом связанные с торжественным риторическим стилем. Книжные языковые средства, в том числе и славянизмы, выражают гражданский пафос, способствуют созданию произведений глубокой идейной насыщенности, воспроизводят героическую действительность и героическое прошлое.

В драме «Борис Годунов» употребляются все отмеченные типы старославянизмов: *Чужбины прах с презрением* (Курбский); *Как весело провёл свою ты младость* (Григорий); *Нет нужды, князь, хочу сообразить (царь)*; *Безумные потехи юных лет* (Пимен); *Нет, это юродивый (Народ)*; *И на престол безвластный не взойдёт (Воротынский)*; *Изобличить сокрытого злодея (Шуйский)*; *Весь город был свидетель злодея- нья (Шуйский)*.

Старославянизмы помогают передать поэту тончайшие движения человеческого сердца, различные чувства, переживания:

*Обнажена моя душа пред вами:
Вы видели, что я приемлю власть
Великую со страхом и смиреньем.
Сколь тяжела обязанность моя!*

А.С. Пушкин использует старославянизмы для создания своего особого поэтического слога:

*Возри с небес на слёзы верных
слуг И ниспошли тому, кого любил
ты,
Кого ты здесь столь дивно возвеличил,
Священное на власть благословенье*

Итак, затронутые в статье поэтические речевые средства исторического дискурса драмы «Борис Годунов» подтверждают мнение, что «в своей исторической трагедии Пушкин не только глубоко постигнул эпоху “многих мятежей”, он дал и её гениальное, художественное воссоздание».

Литература

1. Пушкин, А.С. Борис Годунов / А.С. Пушкин. – М.: Детгиз, 1956. – 191с.
2. Современные парадигмы лингвистических исследований: методы и подходы // Сб. матер. межд. научно-практической конференции 24–25 ноября 2011 г. – Г.Р. Булгакова (отв. ред.) [и др.]. – Стерлитамак, 2011. – 256 с.
3. Ярцева, В. Н. Развитие литературных языков / В. Н. Ярцева // Теоретические проблемы советского языкознания: [сборник статей] / АН СССР. Ин-т языкознания; [ответственный редактор Ф. П. Филин]. – М.: Наука, 1968. – С. 50–71.